

МИРОСОЗЕРЦАНИЕ И МЕДИЦИНА.

Предлагаемая читателю статья есть перевод публичной лекции, прочитанной в конце минувшего октября в Штутгарте, в пользу общества Красного Креста, для устройства больниц в немецких колониях. Она заключает в себе сжатое содержание воззрений, изложенных в двух книгах: „Этюды о природе человека“ и „Этюды оптимизма“, и потому обращается главным образом к читателям, незнакомым с этими сочинениями. В то же время в статью эту внесен ответ на некоторые возражения, сделанные автору с различных сторон.

Выбранное заглавие: „Миросозерцание и медицина“ требует некоторого пояснения. В статье идет речь о миросозерцании по отношению к человеку и человеческой жизни, совершенно обходя вопрос о мироздании с физической точки зрения. Ввиду этого, быть может, следовало бы обозначить статью и речь названием: „Миросозерцание и биология“; но автор предпочел заменить последнее слово словом „медицина“, ввиду того, что с его точки зрения человек, в таком виде, в каком он появился на земле, есть существо ненормальное, больное, подлежащее ведению медицины.

Нечего и говорить, что предлагаемый очерк, несмотря на то, что в его содержание входит немало гипотетического, целиком зиждется на научной почве, вне всякого вмешательства какой бы то ни было метафизики. Нам кажется, что он может отчасти послужить ответом на новые нападения против науки, о которых много писали в последнее время в русских газетах.

Всем известно, что русские мыслители считают человеческую природу вполне совершенной.

„Эмиль“ Ж.-Ж. Руссо начинается следующими словами: „Все хорошо, выходя из рук творца; все испорчено руками человека“.

В настоящее время можно отстаивать как-раз обратное: природа дурно создала человека; только своими руками может он усовершенствовать себя.

Чтобы доказать это, прежде всего необходимо отдать себе отчет в происхождении человеческой природы.

В настоящее время можно считать прочно установленным животное происхождение человека от какой-нибудь породы обезьян,

Вывод этот, высказанный пятьдесят лет тому назад, постепенно пробивал себе все более и более широкую дорогу, несмотря на сильнейшее противодействие.

Очень многозначительным в этом отношении является недавнее празднество в честь Дарвина, имевшее место в Кэмбридже.

Когда Дарвин обнародовал свое учение о происхождении видов—учение, из которого вытекало, что человек произошел от животного существа,—против этого отовсюду поднялись многочисленные голоса.

Кэмбриджский университет, в котором Дарвин был некоторое время студентом, высказался очень отрицательно относительно дарвиновской теории.

В течение десятков лет держалось такое враждебное дарвинизму направление—и только в последнее время наступила перемена.

Несколько месяцев тому назад Кэмбриджский университет призвал ученых со всего мира для чествования Дарвина по поводу столетия со времени его рождения и пятидесятилетия со времени появления его главного труда. Юбилей этот удался самым торжественным образом.

В июне 1909 года собрались в Кэмбридже лучшие научные силы из всех главнейших стран.

Дарвиновская теория происхождения организмов вообще и человеческого в частности была провозглашена прочно установленной.

Отношение Кэмбриджского университета в этом случае имеет большое значение. Но еще важнее все накопившиеся за последние полвека научные открытия, служащие новым доказательством животного происхождения человека.

Во времена Дарвина и его ближайших последователей почти еще ничего не было известно относительно зародышевого развития человекообразных обезьян. С тех пор в этом направлении собраны некоторые драгоценные наблюдения. Они доказывают, что зародыши человекообразных обезьян, а именно гориллы и гиббона, представляют величайшее сходство с человеческим зародышем.

Исследования существенных свойств кровяной жидкости, принятые в последнее время врачами, вполне установили, что человеческая кровь представляет во всех отношениях величайшее сходство с кровью человекообразных обезьян.

Исходя из совершенно другой точки зрения, научная медицина представила новые и очень веские доказательства в пользу животного происхождения рода человеческого.

Пытаясь отыскать средства против разных болезней, нашли, что некоторые заболевания, считавшиеся свойственными исключительно человеку, могут быть привиты и человекообразным, но не другим обезьянам.

Сюда относится, например, сыпной тиф, уносивший в прежние времена много жертв в Германии; в России же он очень распространен и по сие время.

Шарлю Николю, французскому бактериологу в Тунисе, недавно удалось перенести сыпной тиф на шимпанзе, в то время как низшие обезьяны оказались невосприимчивыми к нему. Только переход через шимпанзе дал возможность привить и им сыпной тиф.

То же самое удалось мне недавно доказать и относительно так называемой детской холеры — одной из наиболее распространенных заразных болезней. Обыкновенные обезьяны, даже в детском возрасте, вовсе не восприимчивы к этой болезни; молодых же шимпанзе очень легко заразить ею.

Все эти факты совершенно ясно говорят в пользу настоящего кровного родства между человеком и человекообразными обезьянами.

Но для некоторых ученых эти аргументы кажутся недостаточно убедительными. Они требуют прямых доказательств существования переходных форм между человеком и человекообразными обезьянами. Такие формы отыскать не легко: их скелеты зарыты глубоко в земле, и многие из них, по всей вероятности, находятся в отдаленных странах, в которых едва только начинают искать остатки давно исчезнувших существ.

Подобный пример представляют нам находки проф. Дюбуа на острове Яве некоторых костей переходных форм между человеком и человекообразными обезьянами.

Но и в Европе открыто несколько ископаемых костей, проливающих значительный свет на вопрос переходных форм между человеком и обезьяной.

Уже около сорока лет, как найден знаменитый неандертальский череп, очень схожий с обезьяньим.

Позднее нашли подобный же череп в Спи, в Бельгии.

Некоторые антропологи признали эти черепа за человеческие, но очень сильно приближающиеся к обезьяньим. Однако черепа *Neandertahl'*я и Спи были плохо сохранены, так что при оценке их природы приходилось быть очень осторожным.

Тем интереснее было открытие, впервые сделанное в южной Франции, сравнительно очень хорошо сохранившегося костного остова, найденного погребенным глубоко в гроте около деревни „*Chapelle aux Saints*“.

Кости эти были отправлены в Париж, восстановлены и подробно описаны проф. Булем. Мы имеем здесь дело со старческим скелетом, представляющим несомненное сходство с обезьяной. Череп его вполне соответствует неандертальскому и Спи. Но так как он сохранился гораздо лучше, то и дает несравненно более указаний относительно природы доисторического человека, которому принадлежит.

Достаточно бросить сравнительный взгляд на современный человеческий череп, на череп человекообразной обезьяны и на восстановленный череп из *Chapelle aux Saints*, чтобы тотчас убедиться в том, что последний занимает промежуточное место между двумя первыми.

Нельзя, однако, не признать, что между обоими человеческими

черепами гораздо более сходства, нежели между черепом из Chapelle aux Saints и черепом шимпанзе. Последний значительно более вытянут вперед и представляет гораздо резче животный характер: челюсти его гораздо более выдаются и снабжены сильными зубами. У ископаемого человека южной Франции обе челюсти все же шире и сильнее, нежели у современных людей. Особенно отличается своей величиной нижняя челюсть. Она поразительно сходна в черепе из Chapelle aux Saints с нижней челюстью черепа, найденного близ Гейдельберга и точно описанного Шётензаком.

В общем открытия эти дают право принять, что в доисторические времена в Европе жили люди, составлявшие соединительное звено между современным человеком и ныне живущими человекообразными обезьянами. Некоторые ученые думают, что этот ископаемый человек принадлежит не только к особенной расе, но скорее даже составляет особый вид, который можно обозначить именем *Homo primigenius*.

В то время, как с основания теории происхождения человека от обезьяны общая совокупность найденных фактов говорит в пользу этой теории,—за этот длинный пятидесятилетний период не было сделано ни одного открытия, противоречащего ей.

Поэтому на человека следует смотреть, как на действительно усовершенствованную обезьяну со значительно развившимся черепом и менее развитой лицевой частью.

Для того, чтобы большая голова могла пройти сквозь тазовые кости, человеческий таз должен был стать шире и вообще сильнее развиваться.

К тому же ему пришлось служить опорой для ног при вертикальном положении тела человека.

Эти особенности человеческого организма неизбежно имели большое влияние на всю судьбу человеческую.

Сильное развитие головы и таза привело ко многим неудобствам.

Главные между ними — затруднение деторождения и возможность при этом вывиха бедра у ребенка.

В то время, как у женщины выходение плода требует от $\frac{1}{2}$ часа до $1\frac{1}{4}$ ¹⁾, — у кобылы оно совершается от 4 до 6 и в крайности до 15 минут ²⁾.

Стоит сравнить скорость и легкость деторождения у морской свинки и у женщины, чтобы убедиться в превосходстве первой. И несмотря на это, морская свинка появляется на свет в гораздо более развитом состоянии, чем новорожденное дитя. Последнее рождается несчастным, плачущим и беспомощным. Морская свинка, наоборот, сразу начинает бегать и производит во всех отношениях жизнерадостное впечатление. И в самом деле, новорожденная свинка почти способна вести самостоятельный образ жизни и питаться растительной пищей.

¹⁾ Vernier. Obstétrique journalière, Paris, 1900, p. 174

²⁾ Saint-Cyr. Traité d'obstétrique vétérinaire, Paris, 1893, p. 334.

При этих условиях действительно очень трудно признать человеческую природу совершенной.

После появления человека на свет начинается для него длинный период развития, сопряженный со столькими невзгодами.

Новорожденные животные отличаются от взрослых несравненно меньше, нежели новорожденное дитя — от взрослого человека. Различия эти относятся столько же к телосложению и вообще всему организму, как и к умственным способностям.

Когда молодые животные инстинктивно подражают родителям своим, то это вскоре приводит к достижению целесообразной деятельности.

Так выучивается щенок охотиться за дичью.

Совершенно иное дело у человека, особенно у цивилизованного.

Разница между мальчиком и его отцом несравненно более резкая, чем у млекопитающих. Инстинктивная подражательность, служащая таким отличным воспитательным средством у животных, часто приводит ребенка к очень печальным последствиям. Представим себе только мальчика, желающего подражать своему отцу с ружьем на охоте!

Сколько труда стоит матерям уберечь своих детей от всяких опасных инструментов—ножей, ножиц и т. д.!

Трудность воспитать детей зависит главным образом от чисто органических условий их физического развития.

Период половой зрелости молодых людей наступает задолго до того, как они готовы к супружеской жизни. Всем известно, сколько затруднений приходится преодолевать вследствие этого и какие опасные последствия может повлечь за собой преждевременное половое развитие.

После слишком длинного периода до достижения полной зрелости, для человека наступает значительно преждевременная старость.

Пятидесятилетний человек может только в исключительных случаях получить новую должность. Во многих странах в 60 лет служащие обязаны подавать в отставку.

В Дании всякий пятидесятилетний нуждающийся человек имеет уже право на государственную пенсию. В Австралии на пенсию имеют право в 60 лет. Во Франции главные врачи в больницах или профессора университета в 65 лет считаются уже неспособными выполнять свою должность, если они не члены медицинской академии или академии наук. Генералы французской армии обязаны выходить в отставку в 60—65 лет.

Преждевременно состарившись и сделавшись бесполезным, человек ощущает тем не менее величайшую потребность жить и непреодолимый страх перед угрожающей смертью.

Этот страх смерти—один из главных признаков, отличающих человека от животных, даже наиболее развитых. Все животные инстинктивно избегают смерти, но не сознают этого.

Ребенок, избегающий ее подобным же образом, также не имеет никакого представления о неизбежности смерти. Сознание

этого приобретается только позднее, благодаря необыкновенному умственному развитию человека.

Некоторые ученые стремятся доказать, что смерть есть совершенно естественное явление, нисколько не страшное само по себе. Еще недавно датский хирург, профессор Блох, подробно изложил эту мысль в двухтомной монографии о смерти. Он приводит в ней большое число примеров, долженствующих доказать, что многие люди безбоязненно встречают смерть.

Но этому можно противопоставить гораздо большее число примеров того, что человек сильнее всего боится смерти.

Чувство это совершенно инстинктивно присуще человеческой природе и всегда составляло одну из величайших забот человека. Поэтому-то разрешение вопроса о смерти и стало одной из главных задач философии.

Нужно иметь в виду, что человек, как существо животного происхождения, принес уже с собой на свет много отрицательных сторон,—а благодаря своему значительному умственному развитию приобрел и сознание неизбежной смерти.

При таких условиях нечего удивляться тому, что многие мыслители могли утверждать, будто животные гораздо счастливее человека, и поэтому нельзя считать счастье целью человеческой деятельности.

Это мнение многочисленных философов всех времен недавно вновь было высказано знаменитым французским математиком Пуанкаре.

Возможно ли, действительно, смотреть на человека, как на нечто совершенное?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует рассмотреть его несколько глубже.

Человек унаследовал от своих животных предков целый ряд вредных для него свойств.

Так как здесь нам нельзя касаться многих из них, то ограничимся беглым взглядом на человеческие пищеварительные органы. Хотя я и предполагаю, что некоторые из моих читателей уже знакомы с ранее высказанными мною воззрениями, тем не менее я не могу обойти этого вопроса ввиду его выдающегося значения.

Человеческий кишечный канал вполне сходен с кишечником человекообразных обезьян. Но в то время как последние питаются сырой пищей, гораздо выше развитый в умственном отношении человек prepares ее с помощью более или менее усовершенствованного поваренного искусства.

Кроме того, он употребляет вместо дико растущих растений и мяса диких животных, искусственно выращенные фрукты и овощи и мясо домашних животных; такая пища гораздо более удобоварима.

Вследствие всего этого человек мог бы в значительной степени обходиться без столь сильно развитых у обезьян кишек.

И действительно, хирургам хорошо известно, что можно совершенно без вреда для человека вырезать большой кусок его слишком длинных тонких кишек.

В то время как часть наших тонких кишек оказывается лишней, толстые кишки целиком не только бесполезны, но даже вредны для человеческого организма. Они были приобретены нашими предками, млекопитающими, ввиду переваривания растительной пищи, а также как резервуар для неудобоваримых пищевых остатков. Для человеческого организма все это сделалось лишним. Переваривание пищи у него происходит в совершенно достаточной степени уже в тонких кишках; резервуара для непереваренных пищевых остатков ему вовсе не нужно. Поэтому толстые кишки стали для человека не только ненужным балластом, но еще и источником вреда.

Это положение, уже несколько раз высказанное мною, подверглось строгой критике с разных сторон. Тем не менее я более чем когда-нибудь уверен в его справедливости.

Три отдела толстых кишек, пересекающих всю брюшную полость человека, часто так видоизменяют свое положение, что очень затрудняют этим правильный выход своего содержимого.

В некоторых случаях расширение толстых кишек вызывает болезненные явления, представляющие картину так называемой гиршпрунговской болезни. Случается также, что конец толстых кишек слишком удлинён и изгибается в виде петли. При этих условиях содержимое толстых кишек чересчур долго застаивается в них, вызывая множество разных вредных последствий для организма. Врачи часто лечат такие страдания, как нервные, но большею частью безуспешно.

Д-р Лэн, необыкновенно искусный и отважный английский хирург, решился в этих случаях прибегать к операции, вместо продолжительного и нецелесообразного внутреннего лечения. Он удаляет или загнутый отдел, или все, или почти все толстые кишки. При этом он соединяет нижний край тонких кишек с прямой кишкой.

Такая операция, естественно, очень опасна и в настоящее время даёт ещё много смертных случаев. Д-р Лэн сделал уже более 50 подобных операций и в начале минувшего года подробно описал 39 случаев.

Он потерял девять больных, что составляет 23%, т.-е. значительную смертность; зато вмешательство его оказало большую пользу остальным 30 пациентам.

Я видел трех оперированных Лэном уже несколько лет тому назад и мог убедиться в том, что здоровье двух из них совершенно удовлетворительно.

Больные эти, которые в течение многих лет страдали невыносимо, после операции точно ожили и стали снова работоспособными.

Система д-ра Лэна, конечно, встретила сильную оппозицию. Противники его, ссылаясь на высокую смертность, осуждают весь метод.

Между тем, следует иметь в виду, что операционная техника может быть усовершенствована, при чем понизится и смертность.

Впрочем, в хирургии уже несколько лет как введено полное

или частичное удаление толстых кишек, или же такое исключение их, при котором они более не могут функционировать.

Факты, собранные д-ром Лэном и другими хирургами, вполне подтверждают мнение, что человек может обходиться без своих толстых кишек, и, следовательно, орган этот бесполезен.

Помимо того, что содержимое толстых кишек часто слишком долго застаивается в них, вызывая этим разные болезни—между прочим, такую ужасную, как рак толстых кишек,—помимо этого, толстые кишки вредны еще вследствие большого скопления в них множества болезнетворных бактерий.

Хотя против этого мнения сделано было много возражений, тем не менее я считаю его вполне обоснованным.

Мы питаем в своих пищеварительных органах, а именно в толстых кишках, чрезвычайно богатую флору микроскопических организмов, представляющих для нас постоянную опасность.

Всем известно, что тотчас после смерти начинается трупное разложение. Оно возникает из кишек и постепенно распространяется на все тело.

Явление это производится бактериями, которые нормально всегда присущи кишечнику каждого человека. В живом организме они не в состоянии возбудить сильного разложения, потому что различные влияния мешают этому. Но всякое болезнетворное явление может вызвать их угрожающую деятельность. Достаточно ущемления грыжи, внедрения одного отдела кишки в другой или иной какой-нибудь причины для того, чтобы произошло воспаление кишек, зависящее именно от деятельности постоянных жильцов их, гнилостных бактерий.

Могут возразить, что при нормальных условиях эти же гнилостные микробы присутствуют совершенно спокойно в наших толстых кишках, не причиняя этим никакого вреда.

Конечно, не подлежит сомнению, что при нормальных условиях кишечное гниение далеко не достигает той степени, как при ущемленной грыже или в трупе. Тем не менее содержимое наших толстых кишек постоянно гниет; это можно вывести уже из того, что почки наши ежедневно выделяют несомненные продукты гниения. Между ними находятся ядовитые вещества, из которых мы упомянем здесь для краткости одни фенолы, т.-е. карболовую кислоту или сходные с ней вещества.

Человек ежедневно выделяет через почки около 15 миллиграммов фенолов, что составляет приблизительно половину их количества, образующегося в толстых кишках.

В течение года человеческий организм выделяет приблизительно одиннадцать граммов фенолов. Вещества эти очень ядовиты и отличаются свойством отравлять не только в острой, но и в хронической форме. Смертельная для человека доза фенола очень различна; однако часто маленькая доза, около полуграмма, уже достаточна для того, чтобы вызвать серьезные явления острого отравления.

С тех пор, как карболовая кислота введена в медицинскую практику, наблюдали большое количество причиняемых ею не-

счастливых случаев. Повязки, пропитанные этим веществом, часто оказывались вредными. Утверждают даже, что некоторые хирурги, употреблявшие слишком большое количество карболовой кислоты во время операций, сами хронически отравлялись и проявляли признаки маразма. Некоторые даже умирали от последствий этого. Такие наблюдения вызвали значительное уменьшение применения карболовой кислоты в хирургии.

Организм защищается от фенолов тем, что связывает их серой, делая их менее ядовитыми.

Но даже и эти сернокислые фенолы не безобидны, так как хотя постоянно выделяются, но постоянно и возобновляются, следовательно, почти всю жизнь вращаются в человеческой крови.

Вполне доказано, что фенолы производятся не самими организмами, но микробами, живущими в кишечнике, преимущественно в толстых кишках.

Некоторые исследователи думали, что наши органы могут сами производить фенолы; но с этим нельзя согласиться.

Помимо многих научных доказательств, я сошлюсь только на один новый факт, недавно констатированный в моей лаборатории.

Большие индийские летучие мыши (*Pteropus*) живут, как птицы, в том отношении, что совершают длинные полеты. Тело их приспособлено к летающему образу жизни, и поэтому они должны весить как можно меньше.

Их толстые кишки очень слабо развиты и никогда не нагружены пищевыми остатками, выбрасываемыми необыкновенно часто. При таких условиях у этих летучих мышей, так сказать, вовсе нет бактериальной флоры в кишечнике: число микроорганизмов в нем поразительно ничтожно. В связи с этим у них не образуется фенолов; их выделения не включают никаких следов последних.

Это наблюдение доказывает, что толстые кишки—лишний орган, далее, что кишечная флора бесполезна, и особенно, что феноловые яды производятся бактериями, а не животным организмом.

Разобранные здесь данные послужат, между прочим, и для того, чтобы ответить на некоторые сделанные мне возражения.

Известный боннский патолог, проф. Рибберт, недавно сильно напал на мою теорию старости.

Он считает неправдоподобным мое мнение о том, что в этом явлении значительную роль играют ядовитые вещества кишечных бактерий.

Рибберт думает, что совершенно неосновательно признавать, будто „нормальный кишечный канал всасывает яды из нормального содержимого, т.-е. из содержимого, вполне соответствующего условиям существования данного вида“.

Между тем вполне доказано как то, что кишечные бактерии постоянно выделяют фенолы, так и то, что стенки кишек нормально всасывают их.

Неосновательно, наоборот, признавать гармонию между содержимым кишечника и здоровьем человека. В этом содержимом

находят у многих людей, именно у живущих негигиенично, множество внутренностных червей, способных вызывать опасные болезни. Существо дела не меняется от того, что это находится в связи с образом жизни человека. Вывод этот должен быть распространен и на вредных кишечных бактерий.

Более чистоплотный образ жизни может устранить паразитов. Применение гигиенических мер должно устранить из кишек бактерии, выделяющие в них яды.

Высказанное Риббертом мнение, будто человеческий организм вообще вполне приспособлен к условиям своей жизни — несомнительно.

Мы уже видели, что со дня рождения человек страдает от разных несовершенств своей природы. Главную причину человеческих горестей составляет то обстоятельство, что развитие его требует очень длинного периода времени, в то время как жизнь его слишком коротка вследствие хронического отравления.

Животная сторона человека, т.-е. организация, приспособленная для животных отправления, находится в постоянном противоречии с чисто человеческой стороной, т.-е. с его высоким духовным развитием и требованиями.

Наследие, полученное от животных, мешает человеку достигнуть своей жизненной цели.

Поэты, одаренные тонким чутьем, давно подметили, что человек страстно стремится к особенной цели; но они не могли точно определить, в чем она заключается.

Это неопределенное стремление можно сравнить с неясными порывами молодой девушки, которая чувствует себя несчастной, но не в состоянии отдать себе отчета в причине этого чувства. Она становится нервной, неровной, грустит, чувствует себя не по себе. Она часто вздыхает и плачет без всякой видимой причины. Иногда у нее развивается склонность к одиночеству и религиозным мечтаниям или к преувеличенным выражениям любви и дружбы. Общая картина этих чувств, поразительно изображенная некоторыми писателями, есть не что иное, как предвестник половой зрелости.

Период этот иногда очень продолжителен и бывает сопряжен со многими невзгодами. У животных он далеко не так длинен и серьезен. К счастью, у человека, в значительном большинстве случаев, он проходит и ведет к правильному супружеству и материнству. Тогда женщина чувствует себя уравновешенной и дает себе ясный отчет, в чем собственно заключается цель ее жизни.

Когда Анна Каренина Толстого, несчастная в супружестве, думала о своем сыне, то она успокаивалась мыслью, что у нее есть цель жизни.

К несчастью, много женщин не достигают этой цели; тогда они часто становятся несчастными, мрачными и считают свою жизнь разбитой.

Подобно тому, как молодая девушка не имеет представления о той цели, к которой она так страстно стремится, так и люди не сознают цели, к которой стремятся, и не знают, в чем она

заключается. Однако же потребность отдать себе в этом отчет чувствуется очень глубоко и вызвала на свет множество философских и религиозных теорий. При этом главным образом речь идет о том, что жизнь наша слишком коротка и что вследствие этого цель нашего существования не может быть достигнута. Главную задачу религиозных и философских учений составляет вопрос о смерти. Первые утверждают, что земная жизнь продолжается и после смерти, и что поэтому человек должен постоянно готовиться к будущей жизни. Философы, не признающие бессмертия, доказывают, что человек составляет частицу метафизического целого, и что его жизненная задача заключается, поэтому, в деятельности, направленной в виду этого целого. Это не раз уже высказанное воззрение было вновь развито в последние годы выдающимся врачом и мыслителем, Павлом Мёбиусом, к несчастью преждевременно умершим.

Хотя Мёбиус признает, что „главная цель человека — его бытие“, тем не менее он не думает, что мы существуем на свете для своего удовольствия. „Для чего же другого?“ — спрашивает он себя. И приходит к тому заключению, что „посредством нашей жизни преследуются известные цели“ и что „наша жизнь может служить средством для высших целей“. Мёбиус думает, что утешительно иметь возможность сказать себе: „мы служим для чего-то высшего, хотя и не знаем, каким образом... Если мы включены в крупное целое, то мы имеем право надеяться“.

Такое заключение требует признания факторов, стоящих над человеком и регулирующих нашу жизнь совершенно неведомым нам путем. Это приводит нас, следовательно, к метафизике, с которой наука не может иметь ничего общего.

Но обстоит ли дело действительно так безнадежно, что нельзя постигнуть смысл человеческой жизни без признания каких-то сил, недоступных нашему разуму? Подойдя ближе к этому вопросу, мы видим, что искание особенной цели жизни представляется различным в разные возрасты. Мы уже видели пример матери, воспитывающей ребенка, которая находит именно в этом цель своего существования. Затем люди, особенно жившие долго, не задаются более вопросом, к чему живет человек на свете. Причина этого заключается в полном развитии чувства жизни, т. е. инстинктивного стремления жить, с которым одновременно связан сильнейший страх смерти. В основе этого лежит нечто чисто физиологическое.

Наши чувства развиваются медленно, так как вообще наша психическая жизнь требует продолжительного времени для полного своего развития. Так, например, эстетическое чувство развивается сравнительно поздно. Дети не испытывают удовольствия от вида красивой природы. Я поясню это характерным примером. Один мой приятель родился в отдаленном городе, где и провел свое детство. Уже взрослым посетил он свою родину. Он помнил в точности местоположение кондитерской и других лавок, где покупались вкусные вещи, но не имел никакого представления о красоте страны, в которой провел свое детство.

Так как чувство жизни состоит из целого ряда других чувств, куда относится и чувство красоты, то понятно, что для развития его требуется длинный период времени.

Одна давно тяжело больная старушка высказала мне свое желание пожить еще некоторое время следующими словами: „Ах, когда бы дожить мне еще до одной весны, чтобы полюбоваться деревьями в цвету! Вы не можете себе представить, какое удовольствие я испытываю при виде солнечного сияния!“.

Еще другим примером можно пояснить медленность развития наших чувств.

С самого раннего детства проявляют мальчики склонность к борьбе. Признак этот был выработан у человека как средство для овладения женщиной. А между тем мальчики не только не сознают этой цели, но, напротив, обнаруживают величайшее презрение к женскому полу. С возрастом это отношение меняется, и вскоре юноша начинает ощущать совершенно особенное уважение к женщине.

Между чувствами, поразительно изменяющимися с возрастом, можно назвать чувство времени.

Всякому известно, как необыкновенно различно воспринимается время в детстве и в позднейшем возрасте.

В то время как для ребенка или юноши год кажется очень длинным периодом, старики считают его очень коротким.

При этих условиях легко понять, что чувство жизни и тесно связанный с ним страх смерти развиваются медленно и ощущаются значительно сильнее в старости, чем в молодости.

Вследствие развития чувства жизни, пожилой человек менее озабочен целью ее, так как он сознает, что жизнь уже сама по себе является в значительной степени этой целью.

Но так как любовь к жизни не утолена даже и в преклонные годы, то человек ощущает чувство неудовлетворенности, и мысль о предстоящей смерти особенно пугает его.

Так как в старости быстро уходящая жизнь кажется слишком краткой, то задача о конце ее выступает на первый план.

С незапамятных времен старалось человечество найти ответ на этот вопрос.

Большинство людей думало, и многие думают еще и теперь, что смерть не есть настоящий конец жизни и что после смерти наступает другая, вечная жизнь.

Вера в бессмертие одной души или души и тела укоренилась очень глубоко. Часто утверждают, что вера эта способна вполне победить чувство страха смерти, наилучшим образом разрешая поставленную задачу. Но это можно признать только в ограниченном числе случаев.

Высокообразованные люди, несмотря на глубочайшую веру, тем не менее ощущают сильнейший страх перед смертью. Относительно этого я могу прибавить еще один новый пример ко многим уже известным.

Дело касается одного старого, очень интеллигентного священника, искренняя вера и нравственная чистота которого стоят вне

всякого сомнения. Происходя из богатой и аристократической семьи, он, еще в юности, посвятил себя богословию. Раздав все свое состояние бедным, он поступил в монастырь и пробыл в нем до своей недавней кончины. Близко знавшие его люди единогласно утверждают, что сношения с ним имели на них необыкновенно возвышающее влияние. В 74 года он тяжело заболел. Несмотря на то, что он ежедневно исповедывался, страх смерти очевидно сильно преследовал его. Он надеялся, что врачи вылечат его и с напряжением ждал их мнения. Понятно, что последние должны были скрывать правду. В его присутствии надо было избегать говорить как о смерти вообще, так и о кончине его знакомых.

Такой сильный страх смерти не представляет ничего удивительного, так как вера в будущую жизнь прививается воспитанием, в то время как страх смерти вполне инстинктивен. По той же причине легко предвидеть, что и философские системы, с их признанием некоего физического целого, которому должна быть подчинена и принесена в жертву человеческая жизнь, не могут иметь большого успеха.

Поэтому не остается ничего другого как обратиться к науке с вопросом: не может ли она выяснить великую задачу жизни человеческой? Она не в состоянии окончательно разрешить эту задачу. Но она может указать пути, идя по которым в будущем можно будет найти успокоительный ответ.

Жизнь человека слишком коротка для полного достижения жизненной цели, именно вследствие того, что его психическое развитие требует слишком длинного периода времени.

Краткость же его жизни находится в зависимости от его животного происхождения.

Органы и устройство их, необходимые для животного, стали ненужными для несравненно более высоко развитого в умственном отношении человека. Наука должна по возможности устранить это зло, что может быть достигнуто систематическим выполнением правил гигиены.

Таким образом можно будет продлить жизнь до наступления настоящей, естественной смерти.

С этой целью особенно полезно устранять бактериальные яды, проникающие из кишек, хронически отравляющие организм и тем сокращающие жизнь.

Весьма вероятно, что естественная смерть также сводится к отравлению—только не чуждыми организму бактериями, а самими элементами нашего тела.

Как известно, некоторые органы вырабатывают очень ядовитые вещества, например, адреналин, выделяемый надпочечными железами. Одна десятая миллиграмма его достаточна, чтобы убить человека.

У человека существует железа, свойственная одному мужскому полу, которая также выделяет ядовитый сок.

Надо заметить, что последний служит для возбуждения особых приятных ощущений.

Некоторые данные позволяют предполагать, что естественная смерть также сопровождается приятными ощущениями.

В этом вероятно играют роль именно яды, вызывающие их.

В природе встречается много подобных ядов, но наиболее известные из них—не животного, а растительного происхождения.

Таков яд мака—опиум и его производные и гашиш. Затем продукты микроскопических растений—дрожжей: именно спирт. Веселящее влияние его привело к одному из величайших бедствий человечества.

Мысль, что естественная смерть должна сопровождаться необыкновенно приятными ощущениями, хотя и гипотетична, тем не менее не лишена некоторого основания. Описано несколько примеров случайной смерти, связанной с необыкновенно приятными ощущениями. Такие примеры представляют люди тонувшие или пораженные молнией, люди, которые были близки от смерти, но спаслись.

Существуют еще и другие факты, указывающие на связь между смертью и радостными чувствами.

Известно, что очень большая радость может вызвать смерть.

В разные времена приводят достоверные рассказы о подобных случаях.

Не знаю, можно ли отнести к этой категории смерть папы Льва X, умершего, будто бы, от радости при вести о покорении Милана.

В новейшей медицинской литературе приводится пример одной дамы, ожидавшей свою дочь на вокзале. Там узнает она, что произошло столкновение поездов и что несколько человек погибло. Увидя свою дочь невредимой, она от волнения падает в обморок и умирает через 12 часов.

Гораздо обстоятельнее отчет недавно умершего в Париже д-ра Фере относительно одного его пациента, который хотя и не умер от радости, но очень серьезно заболел от нее. Получив крайне радостную для него весть, он стал быстро ходить по комнате и впал в странное состояние опьянения. Он вдруг стал дрожать всем телом и упал, затем уснул и спал без просыпа в течение 19-ти часов и оправился только через пять дней. Здесь мы имеем дело с болезнью, которая могла бы быть смертельной. Ее сходство с бредом алкоголиков (о котором в данном случае не могло быть и речи) так поразительно, что приходится допустить здесь род отравления. Только яд происходит не от дрожжей, а от самого человеческого организма.

По нашей гипотезе, человек обладает неопределенным предчувствием естественной смерти, к которой он страстно стремится, как к настоящей жизненной цели. Достигается же последняя только в исключительных случаях, встречая препятствие в краткости жизни. Вместо того, чтобы рациональным образом жизни подготавливать радостное чувство естественной смерти, человек в своем несчастье ищет опьянения растительными ядами—спиртом, табаком, опиумом и т. п.

Точная наука еще не в состоянии доказать эту гипотезу, она

не может обещать человеку вечную жизнь как в виде бессмертия души, так и тела.

С другой стороны, наука не может утешать человека признанием того, что он составляет одно с метафизическим целым, хотя бы уже потому, что метафизика стоит вне нашего понимания. Поэтому нас нисколько не трогает сознание того, что мы составляем как бы частицу неизвестного целого.

Если наука не имеет еще уверенности в том, что идеально-нормальный цикл развития человека неизбежно должен привести к ощущению величайшей радости и к развитию страстного желания естественной смерти, то она может, по крайней мере, обещать, что нормальное развитие человека должно привести к счастливой старости.

Постепенно развивающееся чувство жизни будет при этом удовлетворено, так что в глубокой старости наступит известного рода пресыщение, которое, помимо веры, уничтожит страх смерти.

Для достижения этой цели наука уже собрала множество данных. Она знает, что можно предохранить себя от большинства инфекционных болезней и отравлений.

Она также не беспомощна относительно вреда, постоянно истекающего от кишечника и грозящего нормальному циклу нашей жизни.

Многое уже достигнуто на этом пути, но еще больше усовершенствований предстоит впереди.

Экспериментальная медицина в настоящее время так развита, что следует возлагать величайшие надежды на ее успехи.

В общем, нельзя отрицать, что природа наша, вследствие своего животного происхождения, включает много несовершенств.

Однако человек, благодаря своей высокой культуре, в состоянии подготовить себе счастливое существование и бесстрашный конец.

Итак, я могу заключить, совершенно обратно Руссо, что все, выходящее из рук творца, далеко не во всех отношениях совершенно и что оно также далеко не портится в руках человеческих.

Напротив, человек при помощи науки в состоянии исправлять несовершенства своей природы.

